

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

16 ОКТЯБРЯ.

№ 42

1911 ГОДА.

С Л О В О

въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича ¹⁾).

„Праведницы во вѣки живутъ“ (Прем. Сол. V, 15).

Нынѣ, братія, мы празднуемъ въ числѣ другихъ святителей и память великаго святителя московскаго Алексія. Нынѣ мы возсылаемъ молитвы свои о здравіи и благоденствіи Наслѣдника Цесаревича предъ священнымъ изображеніемъ великаго угодника Божія. Уже пять слишкомъ столѣтій минуло съ тѣхъ поръ, какъ чистая, праведная душа святителя отлетѣла въ міръ горній! Много за это немалое время воспитала земля великихъ историческихъ дѣятелей,

¹⁾ Произнесено въ Благовѣщепскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря при Архидіакономъ служебніи.

давно оставившихъ земное поприще. Много видѣла и переиспытала важныхъ историческихъ событій и перемѣнъ. Всепоглащающая сила времени успѣла покрыть мракомъ неизвѣстности, обречь на вѣчное забвеніе не мало грозныхъ когда то именъ, дѣлъ и событій. Многіе великіе непобѣдимые герои и завоеватели, знаменитые философы и ученые, славные общественные дѣятели унесли съ собою въ мракъ могилы не только все свое величіе и славу, но и самую память о себѣ!

Что же значить, что при такой превратности и измѣнчивости судебъ міра сего не предано забвенію имя святаго Божія? Чѣмъ великъ для насъ св. Алексій? Что не перестаетъ привлекать милліоны вѣрующихъ къ мощамъ его, заставляя для сего протекать отдаленнѣйшія разстоянія отъ всѣхъ концовъ нашего необъятнаго отечества?

Есть, кромѣ шумныхъ земныхъ подвиговъ, подвиги иного рода, дѣлающіе воистину великимъ совершившихъ оныя и незнакомые для обуреваемыхъ волнами житейскаго моря! Это—подвиги духа въ войнѣ съ плотію. Есть побѣды безшумныя и незримыя міру, отличныя отъ земныхъ побѣдъ. Это—именно побѣды духовныя, побѣды надъ самимъ собою, надъ своими страстями и надъ смрадными силами злобы и тьмы, господствующими въ мірѣ.

Есть дѣятельность, совершенно отличная отъ суетной мірской дѣятельности, направленной на безплодную погоню за призракомъ счастья, полную всевозможныхъ разочарований, огорченій и неудачъ. Это—заботы о душѣ безсмертной, строгое вниманіе къ себѣ въ своей духовной жизни и очищеніе сердца отъ всякой скверны, слабости и порока.

Есть служеніе, отличное отъ служенія суеты, временной только жизни. Это—служеніе праведника, безраздѣльно жертвующаго всю свою жизнь Богу Вышнему, служеніе

примѣрною, богоугодною жизнію, свѣтомъ которой проникаются потомъ цѣлыя поколѣнія людей и побуждаются къ жизни, достойной Отца нашего Небеснаго.

Вотъ область, въ которой поистинѣ великъ, славенъ и безсмертенъ св. Алексій.

Вотъ поприще, блистая на которомъ славно и безпорочно до конца жизни, онъ стяжалъ себѣ отъ Бога такое прославленіе и вѣчную память въ потомствѣ.

Какое слово не окажется слабымъ, чтобы воздать должную дань хвалы и благоговѣнія къ сему великому угоднику Божію и оцѣнить всю важность и все общественное значеніе подвиговъ его.

Родившись въ семьѣ богатаго и знатнаго боярина, Святитель рано обнаружилъ склонность къ уединенію и любовь къ божественнымъ службамъ, строго соблюдая посты и читая книги Св. Писанія. Въ 20 лѣтъ принялъ монашество и его подвигамъ удивлялись даже старцы. Богобоязненный и умный инокъ пріобрѣлъ общую любовь. Самъ князь Сумеонъ узналъ его и предъ смертию своею далъ своимъ братьямъ завѣщаніе слушать Алексія. Поставленный митрополитомъ, онъ правилъ церковью въ самое тяжелое, смутное время. Русь была въ полномъ подчиненіи татарскому хану и платила дань. Въ самой церкви поднялись смуты. Святитель не жалѣетъ себя. Ради мира церковнаго и любви христіанской онъ жертвуетъ своими правами и властью. Примѣромъ собственной жизни святитель показалъ, какъ нужно служить ближнимъ. Въ спорахъ князей онъ являлся миротворцемъ, неправыхъ бояръ обличалъ безъ боязни, личныхъ обидъ не помнилъ.

Никогда не забудетъ заслугъ святителя церковь и государство русское. Съ опасностью для жизни святитель дважды ѣздилъ въ ханскую орду съ просьбою дать миръ и спокойствіе русскому народу и разоренной землѣ. Богъ помогъ

святителю получить вліяніе даже среди невѣрныхъ. По его молитвамъ получила исцѣленіе отъ слѣпоты Тайдула, жена хана Чанибека. Въ заботахъ о паствѣ святитель не зналъ, что такое отдыхъ. Его трудами заблестало въ Москвѣ множество златоглавыхъ храмовъ Божіихъ, сооруженъ и обнесенъ каменною стѣною кремль; множество подаяній посылалъ св. Алексій и по другимъ городамъ и селамъ на построеніе храмовъ Божіихъ.

Умирая, святитель оставилъ церковь русскую въ мирѣ, а княжество русское окрѣпшимъ, собравшимся воедино, сильнымъ и способнымъ на сверженіе татарскаго ига. Несмѣтная толпа народа провожала останки святителя.

Хоронили, какъ родного отца. Князь Димитрій Іоановичъ и бояре плакали надъ его гробомъ, вспоминая его святую жизнь, его труды на пользу государства.

Мало даетъ русская исторія и церковь такихъ именъ, какъ св. Алексій. Онъ умеръ въ 1378 году, оставивъ намъ примѣръ богатства добродѣтелей, образецъ любви къ своему родному народу, примѣръ христіанина, живущаго по заповѣдямъ Христовымъ, и гражданина, полагающаго всѣ силы на пользу государства. Съ особенною любовію вѣрующее сердце будетъ всегда стремиться къ нему, почерпая въ немъ себѣ силы и вдохновеніе.

Древніе люди, братіе, во время путешествій опредѣляли свой путь и направленіе по свѣтиламъ небеснымъ и умѣли достигать цѣли путешествія.

Длинень и неудобопроходимъ путь жизни нашей! По темнотѣ невѣдѣнія, забвенія, иногда по малодушію, разсѣянности, легкомыслію мы сбиваемся съ прежняго пути. А тьма насъ объемлетъ ужасная. Тьма невѣрія и безбожія готова поглотить одинокіе, слабые огоньки вѣры, свѣтящіе еще въ мірѣ семъ. Тьма разврата и безумной жестокости сгустилась надъ русской землей.

Извратились понятія о чести, долгѣ, добрѣ и благѣ. Во имя такого ложнаго политическаго блага, къ ужасу всѣхъ благомыслящихъ, недавно обагрилась кровію нашего лучшаго министра русская земля. Высоко вздымаются волны нечестія и страстей. А мы пребываемъ равнодушными и стоимъ на краю пропасти, готовые погибнуть.

Спасайтесь-же, братія. Поднимайте чаще свой духовный взоръ къ духовному небу. Тамъ огненными буквами начерталь Господь имена святыхъ Своихъ.

Какъ яркія звѣзды, свѣтятъ они намъ, вдохновляя насъ вѣрою и любовію и указуя путь къ царствію Божію. Въ cadaго изъ насъ вложилъ Господь пылающую искру Своего Духа.

Эта искра можетъ долго незамѣтно тлѣть подъ ииломъ грѣха, но всегда можетъ разгорѣться въ яркое пламя.

Христось говорилъ: „я пришелъ низвестъ огонь на землю“. Но не тотъ огонь, которымъ горимъ мы—огонь страстей, а огонь вѣры и любви, которымъ при жизни горѣлъ святитель Алексій.

Усвоимъ-же душой своей огонь Христовъ.

Молитвенное памятованіе о великомъ угодникѣ да воспламенитъ нынѣ нашу холодную душу. Вѣяніе вѣры святителя да раздуетъ искры огня, таящіяся въ сердцѣ нашемъ.

Вѣруйте и любите Бога и ближняго!

Не угашайте духа, братія! Воспламенитесь! Аминь.

Священникъ *Митрофанъ Дивницкій*.

Иванъ Саввичъ Никитинъ, какъ поэтъ-мыслитель.

(По поводу 50-лѣтія со дня кончины—16 окт. 1861 г.—1911 г.).

Поэтъ—дворникъ, поэтъ мѣщанинъ ¹⁾, сынъ степей в сермяжной Руси, одноземецъ Кольцова, И. С. Никитинъ, представляетъ собою крупную литературную величину съ несомнѣнно поэтическимъ дарованіемъ. Предъ нами настоящій типъ русскаго образованнаго челоуѣка, вышедшаго изъ низменной среды,—натура крѣпкая, мужественная и цѣльная, какихъ нечасто вырабатываетъ наша русская жизнь. „Сѣрый кругъ мелкаго провинціального мѣщанства, семинарское образованіе и несбывшіяся мечты объ университетѣ, вмѣсто котораго пришлось стать за лавочную стойку и отпускать овесъ извозчикамъ на постояломъ дворѣ, упоеніе Шекспиромъ и сладость первыхъ поэтическихъ опытовъ среди грязи и козачныхъ расчетовъ, бокъ-о-бокъ съ опустившимся алкоголикомъ—отцомъ, затѣмъ поддержка со стороны нѣсколькихъ интеллигентныхъ мѣстныхъ дѣятелей, удачное выступленіе въ печати, сознаніе своего призванія, первый литературный заработокъ и, какъ вѣнецъ желаній,—собственный книжный магазинъ въ Воронежѣ“ ²⁾,—вотъ основные факты тяжелой, неудачной и рано прерванной жизни нашего поэта.

„Съ суровой долей я рано подружился

Не зналъ веселыхъ дней ³⁾...

Дни невеселые, сердцу тяжелые!

Глянешь назадъ,—точно степь неоглядная,

---

¹⁾ Никитинъ, впрочемъ, принадлежалъ къ духовному роду, но его отецъ, обѣдняявъ, прописался къ мѣщанскому сословію.

²⁾ Истор. Рус. Лит. XIX в. подъ ред. проф. Овсяннико-Куликовск., т. III, стр. 363—373.

³⁾ Цитаты приводятся нами изъ Сборн. сочинен. И. С. Никитина съ біогр., составлен. М. Ѳ. Де-Пуле, 5 изд. М. 1889 г., т. I, стр. 56.

Глушь безотвѣтная, даль безотрадная ¹⁾...
Мучительные дни съ безсонными ночами,
Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла! ²⁾...
Все грязь, да грязь...
Нужда, печаль, тоска и скука ³⁾.

Такая обстановка дѣйствовала на поэта самымъ подавляющимъ образомъ: онъ не могъ спокойно, безъ помѣхи заняться собственнымъ самообразованіемъ, не могъ также всецѣло отдаться поэтической и литературной дѣятельности, лишенъ былъ возможности отдохнуть, не говоря уже о томъ, что не зналъ любви и радостей въ семейной жизни. Нужно было имѣть недюжинный характеръ, желѣзную силу воли, чтобы перенести все это. И мы видимъ, что за всю свою жизнь Никитинъ не могъ пасть духомъ и пожаловаться на свою участь. „Въ этой личности чувствуется своеобразный закалъ, какая-то осѣдлая, почвенная внутренняя культура и выдержка. Такая мужественная, здравомысленная, слегка пессимистическая складка, придающая всей жизни Никитина характеръ какого-то стоицизма и подвижничества, была присуща какъ наружности Воронежскаго почвенника, такъ еще больше его поэзіи“ ⁴⁾. Питомецъ идеалистической школы, Никитинъ, не смотря на свою близость къ міру пошлой дѣйствительности, въ продолженіе всего скорбнаго пути своего, сумѣлъ сохранить въ душѣ пламень чистой вѣры въ идеальныя явленія разумной стороны міроваго существованія. „Любовь къ родной литера-

¹⁾ Т. II, стр. 53.

²⁾ Т. I, стр. 56.

³⁾ Т. II, стр. 33.

⁴⁾ См. цитов. соч. Ист. Русск. Литер. XIX в. подъ ред. Овсян. Кулик., т. III.

турѣ, къ родному русскому слову, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — не угасла во мнѣ среди новой, совершенно незнакомой мнѣ дѣятельности. Окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія, не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что и какъ мнѣ нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе.

Продавая извозчикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, нерѣдко подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужичковъ. Сердце мое обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ; но съ помощью доброй воли я не развратилъ своей души.

Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества; тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца¹⁾. Въ свободное время Никитинъ съ жаромъ читалъ все, попадавшее ему въ журналахъ и имѣвшее глубокій интересъ. Въ особенности его привлекали сочиненія выдающихся писателей — Шекспира, Пушкина, Гоголя, а также статьи популярнаго во всей мыслящей Руси критика Бѣлинскаго. Изстрадавшаяся души поэта искала облегченія въ идеальныхъ образахъ, созданныхъ писателями, а также въ картинахъ природы, которая одна могла доставить человѣку нравственное успокоеніе и примирить его съ жизнью, гдѣ такъ много „печальныхъ слѣдовъ ничтожества или ослѣпленья“. Замкнутый, скрытный и цолъ часъ угрюмый, Никитинъ раскрывался весь, когда природа задѣвала его душу сколько-нибудь чувствительно.

---

¹⁾ См. «Никитинъ—содержатель постоялаго двора» — Де-Пуле, помѣщ. въ сборн. стат. Покровск., стр. 21—22.

Въ это время смуглое и продолговатое лицо его съ длиннымъ греческимъ носомъ мгновенно преобразалось и становилось привлекательнымъ. Добрые темнокарые глаза, въ которыхъ свѣтился глубокой умъ, озарялись какимъ-то особеннымъ поэтическимъ блескомъ ¹⁾.

Никитинъ жадно всматривался своимъ внутреннимъ взоромъ въ непостижимыя для ума тайны вселенной, стараясь понять смыслъ кипучей созидательной дѣятельности таинственныхъ силъ природы. Въ постоянномъ соприкосновеніи съ прекраснымъ міромъ Божиимъ поэтъ переживаетъ моменты высшаго счастья и ощущаетъ въ душѣ своей наплывъ бодрыхъ и здоровыхъ чувствъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Никитинъ превосходно выясняетъ значеніе природы для себя. „Мнѣ, выросшему въ удушливомъ воздухѣ, нельзя было не полюбить природу: она была моей нравственной опорой, поддержкой моихъ силъ, свѣтлой стороной моей жизни, она замѣняла мнѣ живыхъ людей, которыхъ вокругъ меня было такъ мало, или—лучше сказать—вовсе не было. Она никогда мнѣ не измѣняла, всегда оставалась одинаковою ея божественная, вѣчная красота“ ²⁾.

„Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ—природа.
И кажется жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
Когда къ своей мощной, широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ“ ³⁾.

Подъ вліяніемъ природы, у поэта невольно улегалось мрачное чувство одиночества и сознаніе своей ненужности,

¹⁾ О наружности нашего поэта чит. въ ст. «Воспоминаніе объ Ив. Савв. Никитинѣ». Воронежск. Телегр. 1910 г., № 70, стр. 2.

²⁾ Изъ ст. проф. И. Иванова: «Реальное и прочувствованное воплощеніе природы въ поэзіи Никитина», помѣщ. въ сборн. ст. Покровск., стр. 70.

³⁾ Т. I, стр. 6.

забывались зло и неправда обыденной, суетной жизни. Изъ подъ давившихъ его стѣнъ дома поэтъ бѣжалъ на рѣку, спѣша передать ея струямъ свою муку; отъ вѣчныхъ разговоровъ о предметахъ торговли поэтъ спасается въ лѣсу, прислушиваясь къ шелесту листьевъ; отъ сценъ самодурства и пьяныхъ криковъ разошедшагося отца сынъ убѣгаетъ въ поле, наслаждаясь сознаніемъ окружающей тишины. Поэтъ настолько горячо и страстно любитъ природу и такъ сильно преданъ ей, что настойчиво совѣтуетъ другимъ ближе присматриваться къ ней, чтобы ощутить въ душѣ біеніе пульса природной жизни. Въ своемъ обращеніи къ истинному поэту Никитинъ усиленно подчеркиваетъ необходимость глубокаго внутренняго родства съ природою, чтобы чаще пріобщаться ея вѣчной и веселой жизни и внимательно прислушиваться къ ея непонятнымъ голосамъ, рѣчамъ и звукамъ.

„Вотъ царство жизни и свободы!
Здѣсь всюду блескъ! Здѣсь вѣчный пиръ!
Пойми живой языкъ природы,—
И скажешь ты: прекрасенъ міръ!“¹⁾

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ, нарисовавъ картину степи ночью, когда кругомъ въ природѣ разносятся таинственные, неизъяснимые звуки, съ восторгомъ приглашаетъ усталаго путника оставаться здѣсь на ночлегъ и не искать себѣ пристанища подъ кровлею дома.

„Брось посохъ, путникъ утомленный,
Тебѣ не надобно двора:
Здѣсь твой ночлегъ уединенный,
Здѣсь отдохнешь ты до утра;
Твоя постель—цвѣты живые,
Трава пахучая—коверъ,

---

¹⁾ Т. I, стр. 58.

А эти своды голубые—

Твой раззолоченый шатеръ“¹⁾.

Находясь въ близкомъ соприкосновеніи съ природою, поэтъ старался внутренно перерабатывать воспринимаемыя явленія природы, чтобы выразить свои впечатлѣнія въ формѣ опредѣленныхъ чувствъ и настроеній.

Грозныя картины природы, какъ, наприм., сильная гроза съ бурей и проливнымъ дождемъ, производятъ на поэта потрясающее впечатлѣніе; здѣсь природа представляется ему олицетворенной и возставшей въ образѣ огромнаго исполина, „могучаго богатыря старой матушки Руси“.

„Любо глядѣть на грозу! Отчего-то сильнѣй въ это время
Кровь обращается въ жилахъ, огнемъ загораются очи.
Чувствуешь силы избытокъ и хочешь простора и воли!...
Мнится, что ожили богатыри старой Матушки-Руси,
Съ недругомъ въ битвѣ сошлись и могучія мѣряютъ силы“²⁾.

Наблюдая борьбу человѣка съ дикимъ разгуломъ своеюправной стихіи, поэтъ всегда сочувствуетъ могуществу и силѣ человѣка. Въ особенности онъ приходитъ въ восторгъ, когда человѣкъ беретъ верхъ надъ разыгравшимися волнами, бушующими на водномъ пространствѣ.

Въ это время поэтъ невольно возвышается душою и проникается сознаниемъ того, что человѣкъ въ такія опасныя минуты жизни способенъ возбудить въ себѣ чувство величайшей силы и неудержимой мощи.

„Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волнъ
И какъ-то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ“³⁾.

Такимъ образомъ природа наполняла душу Никитина

¹⁾ Т. II, стр. 43—44.

²⁾ Т. I, стр. 138.

³⁾ Т. I, стр. 26.

какими-то волшебными тѣнями и воспитывала возвышенныя представленія. Степь, поля, лѣса своимъ величіемъ будили въ чуткомъ человѣкѣ какую-то религіозную тревогу, широкій нравственный порывъ, трепетное желаніе правды и воли. Здѣсь невольно зарождались высокія думы и стремленія, а также тотъ опредѣленный взглядъ на человѣческое предназначеніе, который кладется нами въ основу жизни. Вездѣ изображеніе природы у Никитина подчиняется человѣческому настроенію и впечатлѣнія отъ нея находятся въ прямой зависимости отъ внутреннихъ настроеній самого поэта. Послѣдній лично испыталъ всю силу и дѣйствительность такого таинственнаго способа соединенія съ природою. Явленія ея были ему чрезвычайно ясны и глубоко понятны.

„Со мною говорилъ и вѣтеръ перелетный,

Я понималъ лѣсовъ, и волнъ, и вьюги шумъ“.

„Врядъ-ли у кого еще изъ поэтовъ, говор. проф. И. Ивановъ, можно найти такое человѣческое, реальное и почувствованное воплощеніе природы. Только нѣкоторыя произведенія Лермонтова могутъ соперничать съ этимъ изумительнымъ нравственнымъ сліаніемъ человѣческой души и безграничныхъ безличныхъ естественныхъ силъ“¹⁾.

Но Никитинъ вовсе далекъ отъ того, чтобы считать природу первоначальнымъ творцомъ и создателемъ своей разнообразной и полной движенія жизни. Звѣздное небо, торжественная тишина степей, нерукотворныя коллонады лѣсныхъ храмовъ наводили поэта на мысль о существованіи непостижимаго Начала, которое лежитъ въ основѣ вселенной и направляетъ ея шествіе къ высшимъ разумнымъ цѣлямъ. Въ стихотвореніи „Присутствіе непостижимой силы“ онъ находитъ смыслъ и цѣль существованія для cadaго отдѣльнаго предмета видимаго міра, начиная съ грознаго величественнаго

¹⁾ Ив. Ивановъ. «Поэтъ горькой правды». Русская Мысль 1896 г., кн. I, стр. 165.

стешного урагана и кончая ручейкомъ, тихо журчащимъ у подошвы горы.

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ,
И въ блескъ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана,
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ
И въ ужасѣ степного урагана,
Въ движеніи прохладномъ вѣтерка,
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою¹⁾.

Все разнообразіе жизни природы невольно наводило на мысль о присутствіи Бога, Который невидимо живетъ въ мірѣ и только въ извѣстныя минуты можетъ быть ясно ощущаемъ.

Находи во всемъ смыслъ, поэтъ глубоко вѣрилъ въ то, что вселенною управляетъ Высочайшее Существо и что человѣкъ всецѣло находится во власти Его. Это ощущеніе Божества—искреннее, правдивое, неизбежное въ человѣкѣ съ

---

¹⁾ Примѣч. Эти строки вылились у Никит. подъ вліяніемъ чтенія В. Бѣлинскаго, который видѣлъ Бога во всемъ мірѣ, во всякомъ явленіи природы. По нему міръ—безпредѣльное развитіе высшей разумной идеи. «Для этой идеи, говор. Бѣлинскій, нѣтъ покоя, она живетъ и воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, она живетъ и дышитъ и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ и въ журчаньѣ ручья». Но здѣсь сходство только въ словахъ, а не мысляхъ. Съ точки зрѣнія Никитина Богъ не пантеистическое существо, не сила, разлитая въ мірѣ, а живой и личный Богъ, окруженный невримою толпою духовъ, которыхъ Онъ и посылаетъ къ людямъ. По мнѣнію Никитина, Богъ—Провидѣніе, которое знаетъ «число всѣхъ капель дождевыхъ» и считаетъ «каждую слезу несчастнаго смертнаго» (т. I, стр. 95). Здѣсь само собою отпадаетъ тенденціозное мнѣніе новѣйшей критики, которая философскія думы поэта граничитъ съ его молитвой пантеистическаго склада. (Чит. въ цитованн. уже Истор. Рус. Литер. XIX в. подъ редакц. Овсяннико-Куликовск., т. III, стр. 363—373).

его поэтической организаціей, въ челоѣкѣ, воспитавшемся въ условіяхъ характернаго и своеобразнаго быта, который Никитинъ воспѣлъ въ такихъ звонкихъ художественныхъ стихахъ. — Немаловажную роль въ этомъ скучаѣ сыграли впечатлѣнія дѣтства, которыя положили свой отпечатокъ на душу поэта. Въ „печальномъ“ родномъ домѣ, „пріютѣ раздора“, гдѣ было мало свѣта и тепла, осталось тѣмъ не менѣе одно свѣтлое воспоминаніе, къ которому поэтъ постоянно возвращается. Въ памяти его крѣпко запечатлѣлся видъ лампадки, горѣвшей въ комнатѣ матери.

Кроткая и терпѣливая женщина, молчаливо сносившая частыя придирки, ругательства и нерѣдко побои отъ своего мужа, только около святой иконы, освѣщенный тихимъ свѣтомъ лампы, находила успокоеніе и силу для того, чтобы „жить“.

„Я помню ночь: предъ моею краваткой,
Сжавъ руки, съ мукою въ чертахъ,
Вся блѣдная, освѣщена лампадкой,
Молилась мать моя въ слезахъ“¹⁾.

Благодаря вліянію матери, у поэта складывался нравственный характеръ и опредѣлялось ясное и непоколебимо-устойчивое міросозерцаніе. Никитинъ вступилъ въ жизнь вѣрующимъ въ Бога, въ идеалъ и себя.

Вѣра воодушевляла Никитина въ его тернистой литературной дѣятельности, заставляла вступать въ роль пророка, друга правды, проповѣдника добра и обличителя общественныхъ недуговъ. Правда, такому бодрому настроенію поэтъ былъ въ состояніи отдаваться въ ту пору, когда онъ находился въ сторонѣ отъ житейской грязи и пошлости. Но съ теченіемъ времени, когда ему пришлось, вслѣдствіе своей неудачно сложившейся жизни, окунуться въ сферу матеріальныхъ заботъ, въ душѣ поэта сталъ подготавливаться моментъ

¹⁾ Т. II, стр. 1-я.

разлада съ самимъ собою, разрѣшившійся острымъ сердечнымъ кризисомъ. Удары суровой и тягостной доли сильно повліяли на религіозное настроеніе поэта: прежнее оптимистическое міровоззрѣніе начало тускнѣть, вѣра слабѣть, умомъ постепенно овладѣваетъ холодное сомнѣніе, а душу стало тяготить безутѣшное отчаяніе.

Хотя поэтъ, измученный жизненной борьбой, и теперь пытается склониться съ горячею молитвою у подножія креста, но сердце его не получаетъ успокоенія и онъ начинаетъ глубоко страдать. Это понятно. Поэтъ теперь не имѣетъ въ душѣ соответствующей чистоты и не въ состояніи подавить разсудочныя сомнѣнія теплотою младенческой вѣры.

„Закиданы грязью его небеса (нравств. кругозоръ),
Звѣзды ни единой не видно на небѣ...

Сомнѣньемъ томимый,

Я потерялъ свой миръ невозмутимый“¹⁾.

Гдѣ-же искать силъ для нравственного подъема, чтобы заглушить миги страшнаго душевнаго упадка, вернуть отошедшій идеаль и очистить его отъ грязи? *Молитва и чтеніе святыхъ страницъ Евангелія*— вотъ лучшее средство воспитать въ себѣ чувство религіознаго воодушевленія, выработать способность къ молитвеннымъ восторгамъ; чтобы тѣмъ примириться съ жизнью и воскреснуть для вѣры.

„Если жизнь тебя измучитъ,
Умъ и сердце возмутитъ,
Если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ,—
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми“²⁾.

¹⁾ Т. I, стр. 177; тамъ-же стр. 16.

²⁾ Т. I, стр. 53.

Никитинъ часто углублялся во внутренія основы жизни человѣческой, которыя развивали его нравственно религіозное сознаніе и тѣмъ вселяли убѣжденіе въ ничтожествѣ матеріальнаго бытія, человѣческая жизнь клеймена печатью зла и суеты. Куда ни взглянемъ, со всѣхъ сторонъ обманъ и ложь: холодность въ родствѣ, притворство, предательство, невѣжество, безсовѣстный расчетъ, обдуманый развратъ и пр. ¹⁾. Разочарованія въ земныхъ ожиданіяхъ заставили Никитина искать утѣшенія въ св. Евангеліи, гдѣ и всякій можетъ найти рѣшеніе всѣхъ вопросовъ бытія. Чтеніе божественныхъ и вѣчныхъ глаголовъ св. Евангелія, возвышая духовный обликъ поэта, дало ему возможность уяснить вопросъ о нравственномъ самоопредѣленіи человѣка...

„Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ...
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!“ ²⁾.

Такое проявленіе религіознаго міросозерцанія было въ натурѣ Никитина; оно было свойствомъ его характера, его всегда глубокихъ чувствъ и непреходящей тоски по идеалѣ. Никитинъ не могъ быть невѣрующимъ человѣкомъ, поэтомъ отрицанія и сомнѣнія. Онъ всегда искалъ такой вѣры, которая не только успокаивала бы мятущійся разумъ, но и могла бы дать покой нашей душѣ, т. е. заставить насъ забыть про все земное. Но человѣкъ, при всей своей чувственной близости къ міру пошлой дѣйствительности, слишкомъ привязанъ къ землѣ и потому едва-ли всецѣло можетъ отдаться такому идеалистическому настроенію. Это доступно только

---

¹⁾ Т. I, стр. 36; ср. Т. II, стр. 36; Т. I, стр. 72.

²⁾ Т. I, стр. 52.

дѣтямъ-существомъ чистымъ и невиннымъ, у которыхъ нѣтъ сомнѣнія. Вотъ почему Никитинъ такъ сильно умоляетъ дитя пользоваться драгоценнымъ преимуществомъ дѣтства, возрастъ котораго богатъ вѣрой и чуждъ развѣдающей рефлексіи.

„Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ:
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ,
Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слезъ твоихъ считаетъ
И отвѣчать тебѣ готовъ“¹⁾.

Итакъ Никитинъ не могъ отказаться отъ вѣры, которая должна составлять основу души человѣка. Но вѣдь и невѣріе, дѣлающее безмысленнымъ самое существованіе человѣка, не можетъ быть оправдываемо никакими логическими соображеніями. Прохаживаясь по кладбищу, поэтъ размышляетъ о скорбной участи человѣка и сокрушается о его скоропреходящемъ и мимолетномъ поприщѣ. Ему становится тяжело, когда могильщикъ равнодушно и даже съ пренебреженіемъ опускаетъ въ могилу новый гробъ съ безотвѣтнымъ мертвецомъ.

Еще болѣе поражается поэтъ, когда въ густой травѣ случайно находитъ человѣческой черепъ, лишенный погребенья.

Съ тоскливой душой поэтъ стоитъ предъ этими печальными останками бывшаго человѣка. Поэтъ въ недоумѣніи, гдѣ, въ какой загадочной странѣ витаетъ безтѣлесный духъ, бросивъ кости въ сей юдоли земной? Неужели надеждамъ души за могилой долженъ наступить конецъ и всѣ истины на свѣтѣ представляютъ одну лишь выдумку ума? Какъ по-

---

¹⁾ Т. I. стр. 52—53.

нимать это „*momento mori*“ и что такое смерть—переходъ къ другой жизни или уничтоженіе? Если святая вѣра чувствъ—пустая тѣнь людскихъ страстей, то и нѣтъ смысла въ этой жизни. Но умъ и сердце поэта не хотятъ мириться съ этимъ. У человѣка есть одна высокая задача. Его назначенье—

„Безконечное мысли движеніе,
Царство разума, правды святой“¹⁾.

Сомнѣніе, явившееся первоначально при рѣшеніи высшихъ вопросовъ духа, разрѣшается у поэта чисто религіознымъ успокоеніемъ. Онъ теперь утѣшаетъ себя отрадною мыслью о загробномъ существованіи.

„И въ жалкихъ остаткахъ
Ничтожнаго праха
Таятся начала для будущей жизни...
Нѣтъ! прочь безплодное сомнѣнье!
Я вѣрю истинѣ святой,—
Святымъ глоголамъ Откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мнѣ въ часы страданья
Припоминать, порой, въ тиши,
Загробное существованье
Неумирающей души“²⁾.

Никитинъ, далѣе, пытается дать намъ теоретическое обоснованіе вѣры. Человѣческій умъ, озаренный Божественнымъ свѣтомъ, бываетъ способенъ на величайшія открытія и геніальныя изобрѣтенія, поражающія весь міръ своимъ величіемъ и красотой. Онъ глубоко проникъ въ тайники природы чудотворной, взявъ одно легко, другое посредствомъ упорной силы. Теперь поэтъ предлагаетъ уму, который хочетъ все знать до конца, рядъ сложныхъ философскихъ вопросовъ и проситъ его совершенно изгнать изъ міра загадки

¹⁾ Т. II, стр. 56.

²⁾ Т. I, стр. 40 и 48.

и тайны. Кто животногою плотью покрылъ скелетъ обнаженный, жилы наполнилъ кровью, далъ нерву свое назначенье и заставилъ сердце впервые забиться раньше чуждою ему жизнью? Какъ называется тотъ духъ, который, не ограничиваясь чувственными познаніями, съ сознаниемъ свободы, сильно стремится къ знаніямъ высшаго порядка? Какъ понять тотъ духъ, который торжествуетъ въ тѣлесныхъ страданіяхъ, регулируетъ порывы сердца и подчиняетъ себѣ даже законы природы? Но отвѣтить на всѣ эти вопросы умъ не можетъ: тайны міра остались для человѣческаго ума неразрѣшимой загадкой. А если такъ, то почему же онъ уклоняется отъ свѣта Божественной вѣры и гордо блуждаетъ во мракѣ сомнѣнья?

„Смирись же и вѣруй,
О, умъ мой надменный;
Законы вселенной,
И смерть, и рожденье
Живущаго въ мірѣ
И мощная воля
Души человѣка
Даютъ мнѣ постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро“¹⁾.

Но чтобы интуитивно входить въ общеніе съ „незримою толпою ангеловъ“, живущихъ въ невиданномъ и надзвѣздномъ мірѣ, недостаточно однихъ теоретическихъ доказательствъ вѣры. Ищущій вѣры духъ поэта, желая получить полное душевное облегченіе, останавливается своею мыслью около Голгоетскихъ событій. „Никитинъ не могъ не созна-

---

¹⁾ Т. I, стр. 50.

вать чутьемъ эстетика, что здѣсь въ Голгоѣ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ бытія, что сомнѣнья не должно быть послѣ Голгоѣы, и достаточно обратиться къ этому событію, чтобы увѣровать“¹⁾. Представленіе распятаго на крестѣ, образъ Голгоѣскаго Страдальца за міръ невольно заставляютъ проникнуться любовью къ Спасителю, со слезами стоятъ предъ Его свѣтлымъ лицомъ и возносятъ жаркую молитву. Чтобы научить такой молитвѣ другихъ, Искупитель самъ на крестѣ молился за Своихъ враговъ, оставаясь въ тоже время спокойнымъ и тихимъ.

„Отець! Спаси-же Свой народъ!
Дай мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
И Сынъ Твой съ радостью умретъ
Великой жертвой примиренья!...
И руки къ небу Онъ поднялъ
И весь въ молитву превратился...
Огонь лице Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Немъ струился“²⁾.

Христосъ принялъ сознаніе виновности за весь міръ, и идти путемъ страданій послѣ Него теперь не трудно, такъ какъ Онъ Самъ является „помощникомъ и ангеломъ утѣшенія“. Благодаря этому, горькія слезы у человѣка исчезаютъ съ блѣдныхъ ланитъ и мятежная человѣческая душа вдохновляется высокою и свѣтлою надеждою, при которой всякое несчастье является сладкимъ и пріятнымъ. Поэтъ теперь совершенно перерождается. Даже въ тѣ годы, когда онъ научился молиться, онъ успокаивался и обрѣталъ вѣру въ представленіи креста и Голгоѣской жертвы.

„И страшно мнѣ станеть отъ этихъ видѣній (вспо-
миная Голгоѣу)

И съ ложа невольно тогда я сойду,

---

¹⁾ Изъ ст. іер. Михаила «Религіозныя стихотвор. Никитина», помѣщ. въ сборн. ст. Покровскаго, стр. 64.

²⁾ Т. 1, стр. 70.

Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ упаду
И мнится мнѣ, слышу я шопотъ невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо въ тотъ мигъ благодатный
Мой ангелъ хранитель молитву творить“¹⁾.

Такимъ образомъ, сомнѣніе и отчаяніе поэта было совершенно побѣждено надеждою души, дѣтскимъ довѣріемъ святой волѣ Спасителя и любовью къ Нему.

Никитинъ теперь и другимъ указываетъ на крестъ Христовъ, какъ на символъ нашего спасенія, какъ на маякъ, который свѣтитъ въ полуночномъ мракѣ людскаго горя. „Вѣруйте въ Того, Кто несъ крестъ“, пишетъ поэтъ одной матери, потерявшей сына,

„Тяжелъ вашъ крестъ!...
Тяжелъ вашъ крестъ и ваша чаша
Горька! Но живъ Господь всего;
Да не смутится сердце ваше.
Молитесь, вѣруйте въ Него!“²⁾.

Есть иная жизнь, вѣра въ которую ободряетъ и поддерживаетъ среди разочарованій и земныхъ невзгодъ. Что грусть землп; что погибель, что смерть для того, въ комъ живой духъ рвется вонъ изъ той тѣсной темницы, въ которую онъ замкнутъ?

Такая искренняя и глубокая вѣра давала жизнь поэту, возбуждала энсргію и не давала дойти до отчаянія при тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни.

Развитію такого глубокаго религіознаго чувства у Никитина способствовала бѣдная крестьянская среда, которая часто затрогивала его творческій инстинктъ. Этотъ обездоленный простой народъ, не смотря на тяжелыя условія сво-

¹⁾ Т. I, стр. 73.

²⁾ Т. I, стр. 95.

его существованія, несъ до конца свой нелегкій крестъ, руководясь вѣрою. Предъ нами— симпатичный образъ старика, перенесшаго всѣ житейскія невзгоды „вплоть до лишенія собственныхъ дѣтокъ и внучатъ“. Онъ почти ничего не требуетъ отъ жизни. Ему необходимо только

„Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славить Бога,
Божіе дитя“¹⁾.

Углубленіе въ сущность человѣческой дѣйствительности и сознаніе ея суетности и тлѣнности вызвали въ душѣ поэта цѣлый рядъ новыхъ стремленій и интересовъ. Никитинъ начинаетъ ставить выше всего личность человѣческую и дорожить ея духовными благами.

Героями крупныхъ произведеній поэта, судьба которыхъ наиболѣе сильно хватаетъ насъ за сердце, являются жертвы нужды, невѣжества и разврата. О нихъ поэтъ искренно болѣетъ своею горячею душою; онъ не обличаетъ, не громитъ жертвы порока, а оплакиваетъ ихъ. Никитинъ показываетъ, какъ „роковая сила нужды и мелочнаго зла“ не убиваетъ мгновенно, а душитъ свои жертвы постепенно, пока онѣ не задохнутся въ грязи и голодѣ.

Въ большой поэмѣ „Кулакъ“, лучшемъ автобіографическомъ произведеніи, поэтъ нарисовалъ мрачную картину изъ жизни мелкаго торгаша, семейнаго деспота, неукротимаго самодура. Вся эта поэма—исторія человѣческой души, загубленной нуждой и неразлучными съ ней униженіями. Но изображеніе пошлости и ничтожества жалкаго существованія

---

¹⁾ Т. II, стр. 24.

такихъ убогихъ людей самому поэту показалось слишкомъ безотраднымъ и угнетающимъ. Поэтому въ заключительныхъ строкахъ поэмы Никитинъ старается оправдать своихъ печальныхъ героевъ указаніемъ на то, что они являются несчастною жертвою обстоятельствъ, такъ какъ лишены были возможности возвести себя на высоту человѣческаго достоинства. Задумываясь надъ судьбою тысячъ людей, гибнущихъ подъ ярмомъ нужды и невѣжества, поэтъ переноситъ своею мыслью въ будущее и безконечно жаждетъ увидѣть эту жизнь въ другомъ свѣтѣ и желаетъ встрѣтить человѣка съ новою душевною физіономіею, возрожденнаго и обновленнаго.

„Прійдетъ-ли, наконецъ, пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта,
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторицей плодъ?
Когда минетъ проказа вѣка,
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка—
Добра божественный сосудъ!“¹⁾

„Въ этихъ словахъ сквозитъ исходная точка міро-созерцанія поэта, въ основѣ котораго лежитъ сознаніе безусловной цѣнности главнаго закона внутренней природы человѣка—чувства любви, и его фактической стороны—положительнаго добра“²⁾. Къ мысли объ осуществленіи этого основнаго закона духовной жизни въ дѣлахъ людей поэтъ не разъ возвращался въ своихъ произведеніяхъ. Изучая жизнь простаго народа, Никитинъ не могъ не подмѣтить того характернаго явленія, что нашъ русскій народъ, вслѣд-

¹⁾ Кулакъ (въ первоначальной редакціи), стр. 114.

²⁾ См. ст. И. Л. «Основные мотивы въ поэтическ. творч. И. С. Никитина». Вор. Епарх. Вѣд. № 8, стр. 250.

ствіе низкаго уровня духовнаго развитія, строятъ жизнь на началахъ чисто внѣшняго матеріальнаго свойства. Грубая физическая сила играетъ очень важную роль въ обиходѣ народной жизни, а образы могучихъ богатырей древняго періода и по настоящее время для простаго народа составляютъ предметъ его завѣтныхъ думъ.

Объясненіе этого пужно искать, по взгляду поэта, въ укладѣ народной жизни, а также въ зависимости крестьянина отъ природы, съ которой онъ, въ цѣляхъ добыванія средствъ къ существованію, принужденъ былъ вести борьбу при помощи физическихъ силъ.

„Въ семьѣ крестьянской—
Знаешь ты сама—
Сила-то дороже
Разума-ума“¹⁾.

Но идеализируя физическую силу человѣка, Никитинъ во всякомъ случаѣ не склоненъ считать ее за нѣчто высшее и совершенное. Истиннымъ идеаломъ у русскаго народа является осуществленный нравственный законъ, олицетворенная идея добра. Только благодаря этому идеалу русскій народъ сохранилъ лучшія и благороднѣйшія свойства сердца. И онъ несомнѣнно живетъ въ душѣ народной и освѣщаетъ яркимъ пламенемъ жизненный путь темнаго, умственно непросвѣщеннаго человѣка. Въ стихотвор. „Зимняя ночь въ деревнѣ“ поэтъ влагааетъ свои думы въ уста больной старушки. Она думаетъ про своихъ сиротъ, которые останутся послѣ смерти безъ всякаго призора.

Не желая, чтобы малолѣтокъ постигла злая участь, старушка обращается съ такимъ словомъ къ Господу:

„Господи, помилуй
Горемыкъ—сиротъ,

---

¹⁾ Жена ямщика. Примѣч. къ стихотворен., т. I, стр. 217.

Дай имъ разумъ, силу,
Будь Ты имъ оплотъ¹⁾!

„Благоговѣніе и преклоненіе предъ душевной свято-
стью, склонность къ самоотверженію, призваніе великаго и
всепобѣждающаго значенія за чувствомъ христіанскаго сми-
ренія, жажда и исканіе правды—вотъ подлинная сущность
народной души“²⁾. Народъ далъ и самому Никитину основы
для его міровоззрѣнія и матеріалъ для его положительныхъ
типовъ. Нарисовавъ картину горя и нужды въ стихотвор.
„Ночлегъ въ деревнѣ“, поэтъ какъ бы призываетъ нашу ин-
теллигенцію понять и прислушаться, чѣмъ живетъ простой
народъ, и оцѣнить его идеаль.

„Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть“³⁾!

Эти типичнѣйшія свойства народной души справедливо
отмѣчены и воспроизведены въ прекрасныхъ художествен-
ныхъ образахъ нашимъ великимъ мыслителемъ и геніаль-
нымъ писателемъ земля русской Ф. М. Достоевскимъ.

Такова была симпатичная личность нашего поэта-мы-
слитель. Предъ нами цѣльный и опредѣленный характеръ,
типичный русскій человѣкъ, инстинктивно чуждавшійся все-
го показного и фальшиваго. Будучи человѣкомъ дѣла, а не
разговора, Никитинъ и въ стихахъ проповѣдывалъ тоже,
что подсказывалъ ему глубокой инстинктъ крѣпкой русской
натуры.

„Какъ узникъ, я рвался на волю...
Упрямо цѣпи разбивалъ!

¹⁾ Т. I, стр. 63.

²⁾ См. цитов. ст. «Основные мотивы въ поэтич. творч. И. С. Ники-
тина». Ворон. Епар. Вѣд. 1911 г. № 8, стр. 253.

³⁾ Т. II, стр. 23.

Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ тѣсно было!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не желѣлъ въ борьбѣ съ судьбой“¹⁾.

Въ теченіе всей жизни онъ возмущался громкими модными словами и проклиналъ „праздное слово, мертвую лѣнь и безцѣльную тоску“. Онъ невольно заподозривалъ искренность поэта или публициста, разъ ихъ рѣчь отличалась одною внѣшнею красотою и не отражалась на общественномъ прогрессѣ. Въ своихъ изображеніяхъ народной жизни онъ всегда оставался искреннимъ и глубоко правдивымъ и ни разу не согрѣшалъ предъ правдою. „Вся прелесть въ простотѣ и правдѣ“, писалъ Никитинъ къ своей корреспонденткѣ. Вотъ почему всѣ его стихотворенія отличаются здоровымъ жизненнымъ содержаніемъ и проникнуты необыкновенною силою чувства. Поэтъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ загадочность природы, любилъ со всей силой человѣка, который умѣетъ вложить въ любовь всю свою мятежную душу. Этимъ-то внутреннимъ взглядомъ на природу Никитинъ особенно близко подходитъ къ народному складу мысли и чувства. Онъ олицетворялъ, оживлялъ въ духѣ народномъ внѣшнюю природу и дѣлалъ это по естественному стремленію придать душевной жизни первенствующее значеніе.

Никитинъ преждевременно сошелъ въ могилу. Но онъ несомнѣнно не умретъ въ сознаніи русскаго народа, какъ гениальный человѣкъ, сумѣвшій среди убивающихъ сердце жизненныхъ обстоятельствъ отвоевать и талантъ, и свободу и умереть съ законнымъ сознаніемъ побѣды. А память поэта, разбивавшаго цѣпи и надрывавшаго силы, навсегда останется гордостью русскаго народа и благороднѣйшимъ воплощеніемъ его высшихъ нравственныхъ свойствъ. Мо-

---

¹⁾ Т. П. Кулакъ въ первонач. редакц. стр. 206.

пументъ, поставленный ему на одной изъ главныхъ улицъ г. Воронежа, всегда будетъ говорить прохожему: продолжайте трудовую дорогу, усѣянную терніями, не падайте духомъ, не отдавайте себя во власть лжи и обмана, крѣпко соединяйте въ себѣ честность и трудъ.

„Медленно движется время,—
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди...
Безконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой,—
Вотъ прямое твое назначенье,
Добрый подвигъ на почвѣ родной“¹⁾.

Ив. Козловъ.

Г. Воронежъ
Сентября 26.

Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ И. С. Никитина.

(Къ 50-лѣтію со дня смерти поэта—16 октября 1861 г.—1911 г.).

*Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы.*

«Дневникъ Семинариста».

Въ первые годы своей литературной дѣятельности (1849—1854) И. С. Никитинъ не разъ останавливался въ своихъ стихотвореніяхъ на религіозныхъ вопросахъ.

Правда, такихъ стихотвореній у Никитина не много,—если даже къ нимъ присоединить и его философскія разсужденія (о смыслѣ жизни, о вѣчности міра, о связи жизни со смертію и т. п.),—но и въ этихъ немногихъ стихотво-

¹⁾ Т. II, стр. 14 и 56.

рѣніяхъ сказывается сильная релігіозная настроенность нашего поэта.

Размышленія его на философско-релігіозныя темы хотя и не отличаются особою глубиною мысли, но во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ сквозитъ непосредственность релігіознаго чувства и искренность вѣрующаго чловѣка и самая искренность его кажется привлекательной, какъ привлекательна для насъ чистая, безхитростная вѣра ребенка.

Тишина ночи, прелестный вечеръ, видъ святой обители, прогулка по кладбищу, горе матери, лучъ лампы, молитва дитяти, „Божественной иконы ликъ святой“ — вотъ что наводитъ И. С. на релігіозныя размышленія.

*Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ,
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы....*

И, кажется мнѣ, *все какой-то дышетъ тайной*
(„Вечеръ“).

Какая же это „непостижимая сила“ и какою „тайной“ дышетъ все?

И. С. не разъ посѣщали сомнѣнья.

О, умъ мой холодный!
Зачѣмъ, уклоняясь
Отъ кроткаго взора
Божественной вѣры,
Ты гордо блуждаешь
Во мракъ сомнѣнья?

(„Успокоеніе“).

Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы.
Но, Боже, и вѣрѣ
Могилы темна!—

восклицаетъ онъ устами умирающаго Яблочкина въ „Дневникъ Семинариста“.

Стоить ли жить? Не лучше-ль „равно умереть“?

Утраты нужно испытать,
Прочестъ весь свитокъ жизни горькой,
*Чтобъ у дверей могилы только
Ихъ смыслъ таинственный понять?*

(„С. В. Чис...й“).

Побываль поэтъ на кладбищѣ и печальный видъ могилъ возбудилъ въ его душѣ вопросъ:

Быть можетъ, чѣмъ живемъ,
Чѣмъ умъ и сердце утѣшаемъ,
*Земля, какъ жертву, отдаемъ,
И въ ней одной похороняемъ?*

(„Кладбище“).

Но слишкомъ просто и горячо вѣровалъ И. С. для того, чтобы не дать этимъ сомнѣньямъ овладѣть его душой. И онъ легко находить отвѣтъ на эти вопросы:

Законы вселенной,
И смерть, и рожденье
Живущаго въ мірѣ,
И мощная воля
Души чловѣка
*Даютъ мнѣ постигнуть
Великую тайну,
• Что есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.*

(„Успокоеніе“).

Смолкла дневная тревога...

*Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога,
Въ этомъ молчаніи умъ.*

(„Ночь на берегу моря“).

Міръ заснулъ... И только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

(„Тишина ночи“).

Присутствіе во всемъ Высшаго Разума, Бога успокаиваетъ поэта и открываетъ ему—какою „тайной дышетъ все“.

Прочь безплодное сомнѣнье!
Я вѣрю истинѣ святой,—
Святымъ глаголамъ Откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мнѣ въ часы страданья
Припоминать, порой въ тиши,
Загробное существованье
Неумирающей души!

(„Кладбище“).

Въ этихъ „святыхъ глаголахъ Откровенья“ находилъ поэтъ отвѣты на всѣ мучительные вопросы „холоднаго ума“ и „тревожнаго сердца“.

И. С. оставилъ намъ стихотвореніе „Новый Завѣтъ“, въ которомъ хорошо обрисовалась его простая вѣра:

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Ръ глаголахъ Предвѣчнаго Слѣва
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышатъ святыя ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они!...
Здѣсь все въ чудно сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,

И Богъ, управляющій имъ,
И сущаго въ міръ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ, и терновый вѣнецъ.
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И пликать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души.

Вотъ почему И. С. такъ убѣжденно говорилъ о воспитательномъ вліяніи на душу человѣческую Евангельскаго Слова, о которомъ онъ пишетъ отъ имени Бѣлозерскаго въ „Дневникѣ семинариста“, размышлявшаго о высокомъ призваніи пастыря:

„Падаеть-ли какой-нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ Евангельской истины. Унываетъ ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный, — я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестъ, прощаль своимъ врагамъ... Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей обоего пола, учу ихъ грамотѣ, читаю и объясняю имъ Святое Евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями“...

„Молиться въ тиши“! — Поэту, очевидно, молитва приносила большое удовлетвореніе и облегченіе въ его жизненныхъ невзгодахъ.

Когда И—у С—чу, въ минуты предсоннаго раздумья, становится страшно отъ видѣній „зла въ этомъ мірѣ“ и „скорби человѣка“, которыя въ яркихъ картинахъ проходятъ предъ его мысленнымъ взоромъ, — тогда, говоритъ поэтъ, —

Склоню предъ иконой святою колѣни

И съ жаркой молитвою ницъ упаду.

И мнится мнѣ, слышу я шепотъ невнятный

И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо, въ тотъ мигъ благодатный,
Мой ангель-хранитель молитву творить.
*И въ душу прольется мнѣ радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.*
(„Сладость молитвы“).

Въ прелестномъ стихотвореніи „Молитва дитяти“ онъ говоритъ:

Но если жизнь тебя измучить
И умъ, и сердце возмутить,
Но если жизнь роптать научить,
Любовь и вѣру погасить,—
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
*Ты примирись съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.*

Такъ говоритъ И. С. о сладости и силѣ молитвы, ибо онъ вѣритъ, что

*внемлетъ вѣчное Богъ-Слово
Святыя молитвы живое слово
И гимновъ сладостныхъ призывъ*
(„Монастырь“).

Молись дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчатъ тебѣ готовъ!
(„Молитва дитяти“).

Впередъ, святая Русь!—
воскликаетъ онъ въ другомъ стихотвореніи („Война за вѣру“).
*Съ тобой и за тебя молитвы христіанъ!—
Съ тобой и за тебя Святая Матерь-Дѣва!*

Самъ горячо вѣруя въ Бога, — Утѣшителя и Упокойтеля всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, — И. С. и другихъ призывалъ къ этой вѣрѣ.

Утѣшая мать, потерявшую любимаго сына, пишетъ ей:

Тяжелъ вашъ крестъ и ваша чаша
Горька! но живъ Господь всего:
Да не смутится сердце ваше.
Молитесь, вѣруйте въ Него!
Слеза-ль падеть у васъ, — Онъ знаетъ
Число всѣхъ капель дождевыхъ, —
И ваши слезы сосчитаетъ,
Оцѣнитъ каждую изъ нихъ.
Онъ весь любовь, и жизнь, и сила,
Съ Нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тьмѣ...

(„С. В. Чис....й“).

Размышляя на религіозныя темы, И. С. беретъ для однихъ изъ своихъ произведеній сюжеты изъ Евангельской исторіи („Моленіе о чашѣ“), на другихъ эпиграфами ставятъ тексты изъ Библии („Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный“, — изъ Екклесіаста, „С. В. Чис....ой“, — изъ еванг. Іоанна, „Моленіе о чашѣ“, — изъ еванг. Матѳея).

И это не простая случайность: здѣсь сказывается не пресыщенный разнообразіемъ темъ и предметовъ для своей лиры поэтъ (что такъ часто у современныхъ писателей, такъ же цитирующихъ Библию), а человекъ глубоко вѣрующій и убѣжденный въ правотѣ своей простой вѣры.

Если, какъ мы сказали выше, у Никитина, мало стихотвореній, посвященныхъ религіознымъ вопросамъ, и писалъ онъ ихъ въ первую половину своей дѣятельности, то это вовсе не значитъ, чтобы онъ сталъ равнодушенъ къ вопросамъ вѣры на закатѣ своей жизни.

Намъ извѣстно, какъ глубоко пряталъ поэтъ отъ другихъ интимные уголки своей души (любовь къ женщинѣ).

То же было и съ религіозными запросами его высокой души. Не любилъ поэтъ выносить наружу то, что тайлось у него глубоко въ душѣ, если это не касалось участи „труждающихся и обремененныхъ“, — тутъ лира его была не умолчна и ея скорбная пѣснь разносилась далеко за предѣлы Воронежскаго края.

„Лучшая поэзія, имъ созданная, — говоритъ біографъ И. С., — М. Ө Де-Пуле, — его жизнь, лучший типъ — онъ самъ“.

И вотъ что пишетъ тотъ же біографъ о послѣднихъ дняхъ жизни И. С.

„Съ особенною восторженностью читалъ онъ въ запискахъ Чеботарева ¹⁾ послѣдніе дни Св. Тихона. „Вотъ это я понимаю! Вотъ она гдѣ правда-то!“ не разъ восклицалъ Никитинъ, чужая и свои послѣдніе дни“... Событіе открытія мощей совершенно его поглотило и, кажется, значительно поддержало его угасающую жизнь. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ выслушивалъ рассказы посѣтившихъ Задонскъ и самъ какъ бы напрашивался на подобные рассказы ²⁾. После такого настроенія естественъ былъ переходъ къ Евангелію. Это была послѣдняя книга, которую Никитинъ читалъ въ своей жизни, читалъ до самой смерти, ни слова ни съ кѣмъ не говоря о прочитанномъ. Ясно, что великая книга глубоко переживалась и прочувствовалась однимъ изъ „страждущихъ и обремененныхъ“, стоящимъ на пути къ вѣчному упокоенію“ ³⁾.

Несомнѣнно, что такая религіозная настроенность поэта должна была отразиться на всей его литературной дѣятельности, которая и вылилась въ горячій призывъ къ со-

---

¹⁾ Помѣщенныхъ въ журналѣ «Православное Обозрѣніе».

²⁾ Смерть поэта послѣдовала черезъ 2 мѣсяца послѣ открытія мощей Св. Тихона Задонскаго.

³⁾ Курсивъ мой.

страданію и сочувствію горю и несчастью всѣхъ обездоленныхъ и обойденныхъ судьбою: вѣрилъ И. С. Никитинъ, что, какъ бы низко ни палъ человѣкъ подъ ударами судьбы, онъ все же— „добра божественный сосудъ“ („Кулакъ“).

Θ. Поликарповъ.

С.-Петербургъ.
23 Сентября 1911 года.

Памяти И. С. Никитина.

(Къ откр. ему памят. въ Воронежѣ).

Ты былъ силенъ любовью и чувствомъ богатъ,
Въ твоёмъ сердцѣ великомъ чудесный былъ кладъ.
Этотъ кладъ былъ изъ звуковъ, изъ тоновъ, созвучій,
Въ мощный вылился стихъ онъ родной и пѣвучій.
И несется тотъ стихъ, какъ гремящей волной,
Въ пѣсняхъ звонкихъ, тягучихъ въ сторонкѣ родной.
Юноша, старецъ, вѣчной истины жрецъ
И въ научныхъ трудахъ посѣдѣвшій мудрецъ, —
Плѣненный восторгомъ отъ звуковъ твоихъ,
Жадно впиваетъ могучій твой стихъ.
А прежде, — прежде смѣялась толпа надъ тобой.
А ты, — ты терзался могучей душой —
Скорбнымъ путемъ вся жизнь твоя шла
„И, какъ степной огонекъ, замерла“.

В. Высоцкій.

Вѣнокъ на могилу Анны Алексѣевны Кузьминой къ 40-му дню.

Скончалась жена священника Задонскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря о. Николая Кузьмина... Умерла Анна Алексѣевна...

Немного словъ, но какъ много для насъ, Задонцевъ, знающихъ хорошо о Николая и почившую, навѣваютъ они думъ, думъ горькихъ, гнетущихъ, давящихъ... но при этомъ не лишенныхъ и отрады при представленіи нравственнаго облика умершей.

Умерла та, которая какъ нельзя болѣе подходила подъ идеаль друга-жены; умерла та, которая дѣлила радости и скорби тернистаго пути жизни пастыря-мужа; умерла та, которая, какъ яркая звѣзда, сіяла для многихъ насъ, знакомыхъ съ нею, Задонцевъ. Сіяла она своею чистою жизнію, своею ласкою, такъ благотворно всегда дѣйствовавшею на окружающихъ, своимъ незауряднымъ умомъ, нерѣдко выводящимъ изъ затрудненія своими разъясненіями и совѣтами обращающихся къ ней съ разными недоразумѣніями; сіяла своимъ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, готовымъ всегда, во всякую минуту, съ самоотверженіемъ послужить всякому, дошедшему до нея съ своею тою или другою скорбною жизнію. Всегда одинаково ко всѣмъ радушная, неизмѣнно добродушная и при томъ всегда жизнерадостная, сама всегда какъ бы чувствующая счастье, радость жизни, Богомъ данной, она и другимъ, знавшимъ и окружавшимъ ее, несла и давала эту радость-счастье. При этомъ она была очень религіозна, набожна и, затѣмъ, будучи сама во всемъ безупречна, она никогда и ни про кого не говорила чего-либо плохого, никогда и никого „не судачила“, что въ глухомъ городкѣ и среди мужчинъ-то рѣдкость, а для женщины это уже великое достоинство и я, знавшій ее двадцать лѣтъ, подчеркиваю эту рѣдкую и въ высшей степени симпатичную черту въ характерѣ почившей.

Своихъ дѣтей она не имѣла, а какъ любила она чужихъ дѣтей, дѣтей своихъ знакомыхъ, не говоря уже о дѣтяхъ родственниковъ!...

И неудивительно послѣ всего этого, что многіе изъ знавшихъ ее прямо таки называли ее „ангеломъ“, а сестры обители „дорогой мамочкой“, немущіе же и бѣдняки всякаго рода звали ее „милосердной матушкой“.

Что она была таковою, это отчасти проглядываетъ и въ краткой рѣчи свящ. Стефана Пчелинцева, который во время погребенія, подошедши поближе ко гробу, своимъ взволнованнымъ и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ приблизительно сказалъ такъ:

„Дорогая Анна Алексѣевна!

„Какъ многое думалъ сказать я у гроба твоего, но чувствую, что не смогу, не въ состояніи говорить: стоитъ только коснуться хотя отчасти жизни твоей среди насъ, глубоко уважавшихъ и родственно любившихъ тебя, и въ особенности твоей семейной жизни, жизни съ твоимъ дорогимъ для тебя супругомъ, какъ нервы не выдержатъ... разрыдаюсь... и это будетъ уже не рѣчь надгробная, а рыданіе... Хотѣлось-бы сейчасъ отъ твоего лица сказать нѣсколько словъ въ утѣшеніе твоему столь нѣжно любимому тобою мужу, но и этого боюсь въ настоящія минуты касаться... но будетъ время, когда хотя нѣсколько утихнутъ эти первыя острия, тяжело щемящія душу, боли, и тогда я обѣщаюсь высказать ему эти нѣсколько словъ изъ продуманной мною рѣчи... а теперь прими отъ меня и отъ моего семейства искреннюю и глубокую признательность за тѣ тысячи свѣтлыхъ, святыхъ и радостно счастливыхъ минутъ, которыя, благодаря тебѣ, благодаря твоей свѣтлой личности, пришлось пережить въ этой земной жизни, которая не такъ-то очень щедра на это... Прими-же эту искреннюю и глубокую благодарность и прости... А сама гряди теперь съ

миромъ къ Отцу Небесному въ уготованныя для тебя обители... но и тамъ не забывай насъ“...

И если такую она была для насъ, знакомыхъ только ея, то къмъ и чѣмъ она была для своего столь нѣжно любимаго мужа, объ этомъ я не берусь высказать словами, это можно только представить себѣ, вообразить и почувствовать, да и то только тому, кто самъ любилъ и испыталъ это святое счастье жизни.

Скажу только одно, что первые дни послѣ погребенія Анны Алексѣевны съ къмъ-бы ни пришлось всрѣтиться изъ знакомыхъ, у всѣхъ одно было на умѣ, одни вопросы: видѣли о. Николая... какъ онъ... что съ нимъ... какъ онъ переносить..., но мы вѣруемъ, что Господь Богъ, посылая человѣку испытанія, посылаетъ и силы, и мы надѣемся, что Онъ, Вселюбящій Отецъ нашъ, подкрѣпитъ и о. Николая, даруетъ и ему силы для перенесенія своей сиротствующей одинокой жизни. Помогутъ ему въ этомъ и молитвы за него близкихъ—знакомыхъ, а также, вѣруемъ, что и сама почившая будетъ просить Бога о немъ и, взирая оттуда на жизнь его, такъ или иначе найдетъ возможность и способъ утѣшать его...

Къ 40-му дню прими, достоуважаемый о. Николай, этотъ вѣнокъ въ память незабвенной для тебя и нѣжно любившей тебя твоей супруги. Вѣнокъ этотъ хотя и изъ живыхъ цвѣтовъ, но все таки, къ сожалѣнію, не вполне обрисовываетъ свѣтлую личность почившей... Я думаю, что ты догадался, кто дастъ тебѣ этой вѣнокъ, а другихъ всѣхъ я только—Задонецъ.

При этомъ считаю возможнымъ къ этому своему вѣнку приложить и краткую біографію почившей, записанную со словъ ея близкихъ: она—дочь діакона, Воскресенскаго собора г. Коротояка Алексѣя Алексѣевича Петрова. Въ 1881 году отецъ ея скончался, и она осталась 11 лѣтней

сиротой. Все попеченіе и заботу о ней, кромѣ ея матери, принялъ на себя дѣдъ ея Протоіерей Алексѣй Борисовичъ Петровъ. Она была едва ли не самая любимая внучка достославнаго и далеко извѣстнаго о Протоіерея и сохранила навсегда къ нему особенное глубокое чувство почитанія и уваженія.

Обучаясь въ Воронеж. Епарх. Училищѣ, она пользовалась отличительною любовію и вниманіемъ извѣстнѣйшей начальницы — мамы Надежды Алексѣевны Колодкиной, пользовалось она также симпатіей и дружбой своихъ подругъ — сверсницъ, которыя не забывали ея и въ Задонскѣ, стараясь непремѣнно побывать у бывшей Анюты Петровой.

Почти 3 года она пробыла учительницей земской школы, а въ 1890 году сочеталась бракомъ съ окончившимъ курсъ Ворон. Дух. Семинаріи Николаемъ Мих. Кузьминымъ.

Повѣнчанная чета, сошедшаяся по взаимной любви, знала другъ друга съ самаго ранняго дѣтства. Изучивши душу другъ друга, соединенные любовію и взаимныхъ уваженіемъ, въ этихъ святыхъ чувствахъ и провели они свое 21-лѣтнее супружество.

Мужъ ея былъ сначала діаконъ въ с. Малышевѣ, Воронежскаго уѣзда, а затѣмъ въ 1891 году 12 іюля перемѣщенъ на діаконское же мѣсто при Свято-Троицкомъ монастырѣ г. Задонска, гдѣ по открытіи 2-го штата онъ остался и священникомъ, и такимъ образомъ почившая А. А. прожила въ г. Задонскѣ 20 лѣтъ. Будучи религіозна и набожна, она съ мужемъ неоднократно ѣздила въ Кіевъ, Черниговъ, Москву, Сергіевъ Посадъ и Саровъ и до самой потери сознанія все молилась Угодникамъ Божиимъ и призывала ихъ на помощь. Недомоганіе ея началось въ началѣ іюля, но по любви къ близкимъ, особенно же къ мужу, она скрывала это и лечилась своими средствами. 29 іюля она пережила къ тому еще большое первое потрясеніе

вслѣдствіе кончины ея близкаго друга Е. Г. В., принимала самое живое теплое участіе въ ея похоронахъ, а 2 августа сама слегла на одръ, оказавшійся для нея смертельнымъ. Болѣзнь ея была крайне неопредѣленная и ставила въ тупикъ пользовавшихъ ее врачей (4 врача), сбитыхъ съ толку еще разными осложненіями. И вотъ не смотря на всѣ мѣры и средства человѣческаго знанія, принятія для ея спасенія, 19 августа она тихо смежила на вѣкъ свои кроткія, добрыя очи.

И если ее любили всѣ знавшіе и слышавшіе про нее при жизни, то послѣ смерти они особенно почтили память ея своимъ вниманіемъ и любовью. На панихидахъ, служившихся непрерывно съ ранняго утра и до поздняго вечера, по ней проливались искреннія слезы сожалѣнія о разлукѣ съ ней. Особенно тронуло осиротѣвшаго мужа, мать и сестру покойницы, служеніе панихиды подъ день ея погребенія въ 10 часовъ вечера. Къ этому времени пріѣхали случайно (обыкновенно это бывало почти ежегодно въ концѣ іюня или началѣ іюля) дѣвочки изъ Елецкаго дѣтскаго дома трудолюбія во главѣ съ законоучителемъ школы о. Тихономъ Архангельскимъ и начальницей пріюта Ольгой Юліевной. Узнавши о смерти постоянно ихъ ласкавшей и кормившей ихъ доброй матушки А. А., дѣти изъявили желаніе сейчасъ-же помолиться у гроба ея и отпѣли панихиду при служеніи своего батюшки о. Тихона. Эти же дѣвочки, пробывшія въ Задонскѣ и пріютившіяся въ Свято Троицкой обители до 9 дня кончины, постоянно утромъ и вечеромъ окружали могилу А. А. и пѣли со слезами и на колѣнахъ „со святыми упокой“ и „вѣчную память“.

Погребеніе ея было совершено 21 августа о. Благочиннымъ Протоіерсемъ Никаноромъ Холодовичемъ въ сослуженіи 8 священниковъ, 5 іеромонаховъ и 2 іеродіаконовъ. Гробъ ея утопалъ въ вѣнкахъ изъ живыхъ и искусственныхъ

цвѣтовъ: Вѣнковъ была масса. Погребена она въ Свято-Троицкой обители около алтаря во имя Всѣхъ Святыхъ. Могила ея, вся усыпанная живыми цвѣтами, возобновляемыми усердіемъ и любовію къ ней сестеръ обители и знакомыхъ, отнынѣ послужитъ напоминаніемъ, что добрыя дѣла человека не исчезаютъ совершенно, а оставляютъ свѣтлый слѣдъ и по смерти, какъ отблескъ яркаго свѣтила, отраженіемъ лучей освѣщающаго горизонтъ еще долгое время послѣ заката.

Миръ тебѣ, добрая и кроткая душа христіанки, идеальная супруга пастыря, миръ тебѣ и вѣчное успокоеніе со святыми.

Задонецъ.

Поправка.

Въ № 39, „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, 1911 года, на стр. 988, 15 строкъ сверху послѣ словъ: то свѣтъ, изъ Него исходяцій, затмилъ бы, пропущены слова: *и свѣтъ солнца... И согрѣлись бы этимъ свѣтомъ...*

О ВЪ Я В Л Е Н І Я.

Н О В О Е И З Д А Н І Е.

СВ. ТИХОНЪ ЗАДОНСКІЙ. ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Изданіе ВТОРОЕ.

Сост. П. В. НИКОЛЬСКІЙ.

Цѣна 15 коп., при покупкѣ отъ 50 экз. 20% скидки.

Во вновь открытыхъ магазинахъ ТОВАРИЩЕСТВА

ОБУВЬ

1) Б. Дворянск., домъ Про-
свиркина и Литвинова, ря-
домъ съ гостиницей „Бри-
столь“. 2. 1-я Остроож-
ская.

Телефонъ № 467.

въ Воронежѣ

Получена въ большомъ выборѣ къ предстоящему весеннему и
лѣтнему сезону элегантная мужская, дамская и дѣтская обувь
лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ Резиновые галоши
и дорожки. принадлежности.

ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ И БЕЗЪ ЗАПРОСА.

10-10

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Па-
слѣдника Цесаревича Алексія Николаевича. — Священника *Ми-
трофана Дьвицкаго*.

Иванъ Саввичъ Никитинъ, какъ поэтъ мыслитель. — *Ив. Козлова*.
Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ И. С. Никитина. — *Ө. По-
ликарнова*.

Памяти И. С. Никитина. (Стихотвореніе). — *В. Высоцкаго*.

Вѣнокъ на могилу А. А. Кузьминой къ 40-му дню. — *Задонца*.

Поправка.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

Печатать дозволяется. 16 октября 1911 г. Цензоръ Прот. А. Спасскій.